

По ту сторону боли

*Иногда, чтобы жить дальше,
нужно пройти сквозь то,
что разбивает сердце...*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АНАСТАСИЯ УГЛЯ

18+

Анастасия Угля

По ту сторону Боли

<https://litres.ru/74239829>

SelfPub; 2026

Аннотация

Идеальная жизнь Марка и Ольги рушится в одно мгновение. Трагическая гибель их семилетнего сына становится роковой чертой, разделившей реальность на «до» и «после». Ещё вчера — счастливая семья, планы, смех. Сегодня — двое чужих людей в доме, полном призраков.

Ольга, не справляясь с горем, винит мужа. Марк, раздавленный потерей, замыкается в себе. Стена молчания, взаимные упрёки, боль — и Ольга уходит. Вскоре в её жизни появляется другой мужчина, готовый подарить новое будущее.

Но можно ли построить счастье на обломках прежней любви? Как простить — не только друг друга, но и самого себя? Эта история — о потере и обретении, о предательстве и искуплении. О том, что даже из пепла можно возродиться, если рядом есть те, кто верит в тебя до конца.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	35
Глава 5	54
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Анастасия Угля

По ту сторону Боли

Глава 1

"Иногда, чтобы обрести семью, нужно сначала её потерять. Чтобы научиться прощать, нужно пережить предательство. Чтобы понять цену любви, нужно пройти через боль. И только пройдя через все круги ада, держась за руки, можно увидеть, что пепел — это не конец, а всего лишь удобрение для новой, более крепкой жизни. Семья — это не те, кто никогда не падает. Это те, кто всегда находит в себе силы подняться вместе."

1998-й год стал для семьи Соколовских не просто цифрой в календаре, а роковой чертой, разделившей жизнь на «до» и «после». Деревня Исток, обычно утопавшая в зелени и покое, в тот год словно выцвела, подёрнулась дымкой всеобщей тревоги. А началось всё с трагедии, обрушившейся на дом Марка и Ольги, — с потери их долгожданного ребёнка. Эта

утрата нависла над их жизнью тяжёлым колоколом, отголоски которого будут преследовать их долгие годы.

Марк Соколовский был воплощением силы и надёжности — той самой скалой, за которой можно укрыться от любой бури. Высокий, статный, с густыми волосами цвета воронова крыла, он обладал удивительными глазами: ярко-зелёными, как весенняя листва, и бездонно глубокими. В его взгляде жила неистовая нежность, способная одним движением души согреть, развеять любые тучи. Он вырос в селе Бутон, и с детства в нём воспитывали уважение к земле и честному труду.

Несмотря на диплом инженера, который он с отличием получил в городе, Марк вернулся в родные края. Столичная суета его не прельстила, душа тянулась к простору полей и знакомому с детства запаху свежего сена. После знакомства с будущей женой он решил быть ближе к ней и переехал в деревню Исток. Устроился работать на ферму, где стал правой рукой владельца, и, хотя должность звучала скромно — «помощник», на его плечах лежала ответственность за весь рабочий процесс. Родители Марка, пронёсшие любовь через всю жизнь, стали для него живым учебником семьи. Они показали, что брак — это не только страсть, но и тихая гавань, построенная на трёх китах: доверии, уважении и взаимной поддержке. Именно эти принципы Марк и принёс в свои отношения с Ольгой, любя её с преданностью, что не меркнет с годами.

Ольга же, напротив, выросла в мире, где буря была привычнее затишья. Её детство закончилось в десять лет, когда рухнул мир в доме родителей. Развод она пережила как личное предательство. Отец, отчаявшись справиться с горем, уехал на заработки на Север. Их редкие встречи Ольга ждала с трепетом, жадно впитывая каждую крупницу его внимания, которого ей так отчаянно не хватало.

Её мать, работавшая дояркой на ферме, после развода нашла утешение на дне стакана. Горький запах самогона стал для Ольги постоянным спутником взросления. До тринадцати лет мать пила, поэтому девочка дала себе зарок — никогда не повторить её судьбу. Благодаря вмешательству Олиного дяди, мать через три года смогла бросить пить и устроилась бухгалтером в его фирму. Будучи средним ребёнком, зажатым между двумя братьями, Ольга рано научилась быть самостоятельной и сильной. После окончания колледжа, где она обучилась банковскому делу, дядя предлагал ей остаться в городе и работать по профессии, но Ольга решила вернуться к матери в деревню. Работа секретарём в местной администрации стала для неё островком стабильности в хаосе прошлого. Встреча с Марком, его любовь — спокойная, как омут, — стали для неё спасением, тем самым якорем, который она искала всю жизнь.

История любви Марка и Ольги началась будто по сценарию доброго кино. На свадьбе общих друзей, в самом эпицентре веселья, Марк увидел Ольгу. И всё. Время будто

остановилось. Он, никогда не веривший в любовь с первого взгляда, вдруг ясно почувствовал, как что-то щёлкнуло внутри. Глядя на её улыбку, озарявшую всё вокруг, он мысленно произнёс: «Вот она. Та самая. Она станет моей женой».

Его ухаживания были полны романтики и внимания к мелочам. Это были не просто свидания, а маленькие приключения: поездки в городской театр, где они замирали, держась за руки, в полумраке зала; киносеансы под открытым небом, когда укрывались одним пледом; прогулки в парке аттракционов, где его смех сливался с её счастливыми возгласами на каруселях.

Но главное предложение он готовил с особым трепетом, желая превратить этот волнительный момент в сказку. Тёплым летним вечером, когда солнце утонуло в золоте и багрянце заката, Ольгу привезли к берегу с завязанными глазами. То, что она увидела, сразило её наповал: дорожка из алых роз, по бокам которой мерцали в сумерках сотни свечей в старинных подсвечниках. А в конце этой сияющей аллеи её ждал Марк — в безупречном белом костюме, верхом на статном коне, словно сошедший со страниц романа о благородных рыцарях. Сама она, в платье цвета спелой вишни, медленно шла навстречу судьбе. Когда зазвучали первые аккорды их песни, «Ветра перемен», в исполнении струнного квартета, Марк спустился с коня, встал на одно колено и, глядя в её сияющие глаза, прошептал: «Ты станешь моей жизнью?» Ольга, не в силах сдержать слёз счастья, лишь кивнула

и выдохнула: «Да!»

Спустя два месяца они сыграли свадьбу. Не пышную, а ту, о которой мечтали, — камерную, душевную. Церемония прошла в шатре на берегу той самой реки. Ольга в белом платье и длинной фате выглядела как ангел. Марк, в классическом чёрном костюме, не сводил с неё восхищённого взгляда.

Молодожёны не просто начали обустраивать быт — они вдохнули жизнь в свои общие грёзы. Их история любви обрела прочный фундамент, когда Марк, не раздумывая ни секунды, продал свой старый дом в родном селе, где прошло его детство. Он словно перелил тепло прежнего очага в новый костёр их семьи. Купив уютный дом на окраине Истока, они с головой окунулись в ремонт, и это был уже не просто ремонт, а самый настоящий танец двух душ.

Воздух в комнатах был густым и пьянящим — он пах свежей краской, древесной стружкой и их безудержным счастьем. Они сами красили стены, то и дело пачкая друг друга, со смехом выбирали обои, спорили до хрипоты о том, где должна висеть каждая, казалось бы, ничтожная полочка, но в этих спорах рождалась не просто гармония интерьера, а гармония их характеров. Им удалось то, что многие считают невозможным: они не просто купили квадратные метры, они сотворили живое пространство. Оно дышало в унисон с их мечтами, отражало свет их глаз и хранило тепло их ладоней.

Переехав в свой идеальный дом, они загорелись новой

мечтой — о ребёнке. Но судьба испытывала их на прочность. Месяцы тщетных попыток, визиты к врачам, тихие надежды и горькие разочарования... Отчаявшись, через полгода они решили отпустить ситуацию и уехали в отпуск в Крым. Неделю они просто жили: гуляли по набережным, загорали, дышали солёным воздухом и заново учились радоваться.

И море, кажется, подарило им чудо. Через неделю после возвращения Ольга почувствовала странную слабость. Запах любимого кофе вызывал тошноту, клонило в сон. Ещё через две недели, осознав задержку, она, затаив дыхание, поехала в больницу. Слова гинеколога прозвучали как божественная музыка: «Поздравляю, вы беременны!»

Всю дорогу домой Ольга летела на крыльях, придумывая, как сообщить новость Марку. Идея пришла мгновенно. Она купила маленькую коробку и упаковала в неё крошечные вязанные пинетки нежного молочного цвета. Дома накрыла ужин, зажгла свечи.

Марк, вернувшись с работы, был озадачен. Переодевшись, он сел за стол, поймав лучистый взгляд жены. Тогда Ольга протянула ему коробку: «Здесь, дорогой, — вся наша будущая жизнь».

Марк открыл крышку. На несколько секунд в комнате повисла тишина, а затем его лицо озарилось таким счастьем, что, казалось, осветило весь город. Он вскочил, подхватил Ольгу на руки и, кружа по комнате, проговорил срывающимся голосом: «Я запомню этот миг навсегда. Это самое боль-

шое счастье в моей жизни».

Беременность протекала идеально, словно сама природа оберегала их долгожданное чудо. И вот, 17 июня 1991 года, на свет появился Арсений Маркович Соколовский.

Мальчик рос удивительно добрым и светлым. Родители с пелёнок учили его главному — разрешать споры без злобы, с достоинством и умом. Арсений впитывал эти уроки, радуя родителей смекалкой и любознательностью.

Но судьба, уже одарившая Соколовских столькими испытаниями, готовила новый удар. Едва Арсений переступил порог первого класса, случилось несчастье, которое в одночасье перевернуло их идеальный мир.

Арсений с грохотом бросил рюкзак в прихожей, отчего звонко звякнула вешалка.

— Мам, я дома! — крикнул он, запыхавшись после быстрой ходьбы из школы.

Из кухни донёсся знакомый запах. Навстречу вышла Ольга, вытирая руки о фартук.

— Сынок, пришёл! Я заждалась. Иди садись, кормить буду. Как дела?

Она ласково провела рукой по его взъерошенным волосам.

— Да нормально... — Арсений потупил взгляд, переобуваясь. — Контрольная по математике, вроде ничего. А что пахнет так вкусно?

— Угадай.

Он вдохнул полной грудью, и лицо его просияло:

— Борщ! Мой любимый! Спасибо, мам!

— Иди руки мой и переодевайся. Всё почти готово.

Через пять минут, в удобном домашнем свитере, Арсений уже сидел за столом перед дымящейся тарелкой.

— Мамуль, спасибо, это просто объедение! — сказал он с полным ртом. — Лучше твоего борща ничего нет.

Ольга улыбнулась:

— Кушай на здоровье, голодный волчонок.

Арсений сделал ещё несколько ложек, копя смелость. Отложил ложку и посмотрел на маму умоляющими глазами.

— Мам... а можно я сегодня ненадолго? Меня мальчишки на речку позвали. Мы просто поболтаем, воздухом подышим. Я быстро, честно!

Лицо Ольги сразу стало серьёзным:

— Арсений, никакой речки. Мы сто раз говорили. Во-первых, уроки. Во-вторых, вода холодная, течение... Нет. Я потом всю ночь не усну.

— Но ма-ам! — заныл он. — Мы даже в воду не полезем! Там же мелко...

В этот момент в прихожей щёлкнул замок, и в дом вошёл Марк. Его появление всегда наполняло комнату спокойной энергией.

— Здравствуй, семья! — Он повесил пиджак и поцеловал жену в щёку. — О, борщ! Я как чувствовал. Сынок, как ты,

мой красавчик? Как школа?

Арсений вскочил и подбежал к отцу:

— Пап, ну пожалуйста, вступишь! Меня ребята на речку зовут, ненадолго, а мама не пускает. Я все уроки сделаю, как вернусь, слово чести! Умоляю!

Марк сел за стол, взвешивая ситуацию. Он посмотрел на взволнованное лицо сына, потом на обеспокоенное — жены.

— Оль, я его понимаю, — начал он осторожно. — Осень, компания... Помнишь, я рассказывал, как в его годы на речку гонял?

— Марк, это другое время, — покачала головой Ольга.

— Я знаю, — кивнул отец. Он повернулся к Арсению и посмотрел строго: — Слушай сюда. Первое: никакой воды. Ни шагу в реку. Понял?

— Понял, пап!

— Второе: дома ровно в семь. Ни минутой позже. Телефон мой возьмишь с собой, на связи.

— Обязательно!

— И третье, — Марк многозначительно поднял палец, — как вернёшься — сразу за уроки. Я проверю. Нарушишь хоть одно условие — на месяц забудь о прогулках. Договорились?

Лицо Арсения расплылось в счастливой улыбке:

— Договорились! Спасибо, пап! Ты лучший! Люблю тебя! — Он обнял отца, потом подбежал к маме: — Мамуль, не переживай, я буду осторожен! Обещаю!

Ольга вздохнула, но в уголках губ дрогнула улыбка:

— Ладно... Только смотри у меня. Беги, пока папа суп не доел и не передумал.

— Ура! Я быстро! — крикнул Арсений и пулей вылетел из-за стола.

Марк долил борща и улыбнулся жене:

— Ничего, вырастет. Пусть побегает. На то и детство.

Ольга покачала головой, но смотрела на мужа с теплотой:

— Вы у меня двое заодно. Только чтоб целым и невредимым был...

— Будет, — уверенно сказал Марк. — Он у нас умный. Доверяй ему.

Из прихожей донеслось ликующее: «Я всё, я побежал! В семь буду!» — и дверь захлопнулась. В доме снова стало тихо, пахло борщом и осенней надеждой.

Глава 2

Поздняя осень в приречной деревне — время сырого ветра, голых деревьев и неба, затянутого тяжёлыми тучами. Воздух густо пах прелыми листьями, сыростью и дымом из печных труб. Для Арсения и его друзей, Васьки и Мишки, их главная крепость — старый ржавый корабль — с наступлением холодов перестала напоминать пиратский бриг. Теперь он походил на гигантского дохлого кита, выброшенного на берег. Краска облезла, из иллюминаторов глядела мокрая тьма.

Пробираясь по раскисшей тропинке, они бежали к кораблю, поднимая брызги грязи. Ветер рвал с берёз последние листья и хлестал по щекам.

— На abordаж! — крикнул Арсений; голос пропал в порыве ветра.

Палуба под ногами была скользкой. Каюты пахли не тайной, а сыростью и гнилью; трюм стал похож на ледяной склеп. Но на капитанском мостике Арсений, сжимая в окоченевших пальцах воображаемый штурвал, по-прежнему чувствовал себя капитаном. Он закрывал глаза и представлял, как под ним не серая река, а свинцовые воды океана, а впереди — туманные земли, полные опасностей.

— Вырасту — стану капитаном, — шептал он, и ветер уносил слова в промозглую даль.

Неподалёку, на краю пляжа, усыпанного пожухлой листвою, сидел у тлеющего костра двоюродный брат Арсения, Петя. Он был полной противоположностью мечтательному Сене — намного старше, с усталостью в уголках губ и блуждающим взглядом заядлого игрока. Его отец, суровый и работающий, не раз хватал его за грудки: «Сынок, возмись за ум! Рано или поздно твои выходы аукнутся, и пострадают близкие!» Но Петя лишь отмахивался.

Их игры прервал громкий оклик, донесённый ветром с пляжа:

— Эй, малой! Ты чего в такую погоду тут делаешь? — Петя, подняв воротник, смотрел на Арсения.

Сеня, поймав брошенную бутылку ледяного лимонада, ответил, стараясь казаться взрослее:

— Да так, гуляем.

Ребята рванули обратно на корабль, а Петя остался у костра со своей компанией.

Пока на палубе гремел «абордаж», по разбитой дороге медленно, почти бесшумно, подкатил тёмный автомобиль. Брызги грязи долетели до костра. Машина остановилась в тени голых ив, словно хищник, сливающийся с серым пейзажем. В ней сидели четверо — местная банда. Петя попал в их сети полгода назад, начав играть в полуподпольном клубе. Сначала его ослепила удача новичка. Но осень принесла череду проигрышей. Он увяз в долгах, как в грязи. Чтобы отыграться, занял у хозяина клуба, человека по кличке

Гром, крупную сумму. Срок возврата истёк.

Первым вышел Гром. Своё прозвище он получил не за голос, а за манеру появляться внезапно, словно раскат грома среди ясного неба.

— Ну что, Петя, приготовил мои бабки? — голос резал воздух, как лезвие.

Петя, побледнев, залепетал:

— Гром, прошу, погоди ещё... Через неделю, клянусь, отдам!

— Не хочешь по-хорошему, будет по-плохому, — Гром негромко щёлкнул пальцами.

Дверцы распахнулись. Вышли трое: Ярый — младший брат Грома, человек-взрыв; и двое «шестёрок», братья-близнецы — Боксёр с отточенными на ринге ударами и Медик, когда-то учившийся на хирурга.

Петя, высокий и тощий, был как тростинка перед этой группой. Удар Боксёра отшвырнул его в груды мокрых листьев. Он попытался подняться, но получил удар ногой в живот. Скрючившись на холодной земле, он стал мишенью для тяжёлых ботинок.

На корабле Арсений, прячась в тайной каюте, представлял, как отбивает атаку злодеев. Сквозь шум ветра он уловил странные звуки — стоны, ругань. Любопытство пересилило игру. Он выбрался на берег и, пригнувшись, юркнул за куст. Подкравшись ближе, замер от ужаса: незнакомые мужчины избивали его брата.

Сердце Арсения заколотилось. Он не думал об опасности. А потом один из бандитов, Ярый, достал из кармана складной нож, и холодная сталь блеснула тусклым светом. Этого Арсений вынести не мог.

— Что вы делаете?! Оставьте Петю! Брат, я позову на помощь, потерпи! — его тонкий, испуганный голосок прозвучал неестественно громко.

Гром, стоявший у машины и наблюдавший за экзекуцией, повернул голову. На его лице мелькнула усмешка. Малец. Смелый малец.

Арсений рванул к деревне, но Гром оказался проворнее. Тяжёлая, холодная рука вцепилась ему в ухо.

— Куда собрался, шкет? Постой, дяди скоро закончат.

Боль была острой. Арсений, не помня себя от ужаса и ярости, извернулся и изо всех сил вцепился зубами в руку, что держала его. Гром с ругательством отдернул кисть и, не сдержавшись, со всей дури ударил мальчишку в висок.

Мир для Арсения взорвался ослепительной вспышкой, а затем провалился в абсолютную, беззвучную тьму. Он падал как подкошенный, и его голова со страшным глухим стуком ударилась о торчащий из земли, покрытый мхом и инеем камень-валун.

— Стоп, смываемся! — рявкнул Гром, увидев, что мальчик не шевелится. Перед тем как прыгнуть в машину, он наклонился к избитому Пете: — Это тебе не конец. Урок ещё не окончен.

Машина рванула с места и исчезла в серой пелене. Петя, весь в крови и грязи, с трудом поднялся на колени. И тогда он увидел. Маленькое тело Арсения лежало неподвижно, вокруг камня из-под светлых волос сочилась алая, пугающе яркая кровь, контрастируя с унылой землёй.

В Пете что-то оборвалось. Холодный ужас пронзил его.

— Сеня! Братишка! Открой глаза, прошу тебя, открой!
— он бил его по щекам, тряс, но маленькое тело было безжизненным и тяжёлым.

Собрав последние силы, Петя подхватил брата на руки, почти бегом донёс до своей машины и, вдавив педаль газа в пол, помчался по скользкой дороге к деревенскому медпункту. Обычный путь в пятнадцать минут он пролетел за шесть, срываясь в заносах на поворотах.

Медпункт — одноэтажный домик, из трубы шёл тонкий дымок. Петя, не помня себя, начал колотить в дверь. На пороге появилась фельдшер Анна Семёновна, с испуганным лицом.

— Там, в машине, помогите! — хрипел Петя.

Она не понимала. Тогда он схватил её за руку, потащил к машине, распахнул дверцу:

— Вот... помогите... Он упал, головой об камень... Не приходит в себя... Сделайте что-нибудь!

Увидев бледное личико Арсения и кровь, фельдшер ахнула:

— Господи! Сеня! Срочно в кабинет! На кушетку! А ты

беги к родителям! Я вызываю скорую!

Действия Анны Семёновны были отточены. Пока она накладывала повязку и звонила в «03», Петя в оцепенении смотрел на брата, и в ушах звенели слова отца: «...пострадают твои близкие». Он впервые по-настоящему понял, что это значит. За окном кружился мокрый снег с дождём.

Скорая примчалась через пятнадцать минут. Врач быстро оценил ситуацию:

— Мальчик, семь лет. Открытая черепно-мозговая травма. Без сознания. Родители будут в больнице. Группа крови вторая положительная.

— Везём в центральную.

Арсения погрузили в скорую и повезли в город.

Петя сел за руль, руки сжали баранку так, что побелели костяшки. Машина рванула, но внутри парня царила ледяная тишина, разрывавшаяся лишь оглушительным стуком сердца. Он не ехал — он бежал. Бежал от места преступления, от того камня, о который разбилась не только голова брата, но и вся его жизнь. Мысли путались: насмешливый взгляд Грома, синеватый отблеск ножа, незащитное тело на холодной земле. И главное — слова отца, которые он так легкомысленно отвергал. Они звенели в ушах навязчивее сирены кареты скорой помощи.

— Отец был прав, — прошептал он, и слова обожгли горло. Волна самоотвращения поднялась изнутри — горькая и удушающая. Он чувствовал себя убийцей. Убийцей детства,

мечты, собственного брата. Сквозь пелену отчаяния прорвалась новая эмоция — месть. Он поклялся, что положит этому конец. Отомстит и себе, растоптав свою старую жизнь, и им — Грому, Ярому, всем, кто посмел прикоснуться к его семье.

Дом Соколовских, обычно такой приветливый, теперь возвышался перед Петром как место страшного суда. Он влетел во двор, задыхаясь:

— Тётя! Тётя, ты где?!

Из дома вышел Марк с разводным ключом в руках. Увидев перекошенное лицо племянника, нахмурился:

— Петя? Ты чего?

Вслед за мужем на крыльцо выбежала Ольга. Её материнское сердце уже уловило беду. Она подбежала к Петру и начала быстро его осматривать, щупать окровавленные места:

— Петя, что случилось? Что с тобой? Почему ты в таком состоянии? Тебя избили? Господи, что произошло? — голос дрогнул.

Петя не слышал. Он подошёл ближе и, почти падая на колени, выдохнул:

— Тётя, дядя... простите меня. Это я виноват. Простите... Марк отбросил ключ. Лицо стало каменным:

— Петя, я спрашиваю — что случилось?!

— Арсений... — имя вырвалось стоном.

Услышав имя сына из уст племянника, Ольга невольно отшатнулась, а внутри нарастала тревога:

— Что Арсений? Где он? Что с ним?!

— Он... в больнице, — Петя зажмурился. — Это я... Со мной разбирались доронинские... а Арсений заступился. Его ударили... Он упал... и головой об камень. Тётя, прости, я виноват!

Словно пелена спала с глаз Ольги. Лицо исказилось не болью, а животной яростью. Она подошла вплотную к Пете, схватила его за ткань куртки и потрясла, а затем произнесла хрипло, тихо, но так, что слова прозвучали громче крика:

— Петя... если с ним что-то случится... я тебя убью.

Марк не стал тратить время:

— Ключи! — рявкнул он.

Петя, оглушённый, не понимал:

— Что? Какие?

— ОТ МАШИНЫ!! — крик Марка вонзился в тишину двора, как нож.

Петя молча сунул ключи. Марк схватил жену за локоть, и они, не оглядываясь, рванули к машине.

Дорога в город стала пыткой. Каждый километр растягивался в вечность, хотя спидометр зашкаливал. Марк, сжимая руль, гнал прочь чёрные мысли. Ольга сидела недвижимо, уставившись в окно. В сознании крутилась одна мольба, простые отчаянные слова: «Пожалуйста, пусть с моим сыном всё будет хорошо». Она повторяла их как заклинание, пытаясь силой любви отогнать беду.

Марк резко затормозил у главного входа.

— Зачем ты остановил? Я хочу к сыну! — закричала Ольга.

— Мы приехали, — коротко бросил он, и они выпрыгнули.

Больница встретила едким запахом антисептиков, который лишь усилил панику. Ольга металась по пустому холлу. Наконец в конце коридора увидела стойку администратора. Подбежала, задыхаясь, вцепилась в стойку. Медсестра подняла усталые глаза.

— Арсений! Мой сын! Где он?!

— Ваш сын?

— Да! Соколовский Арсений, семь лет!

Медсестра пробежалась по журналу:

— Да... нам привезли мальчика в тяжёлом состоянии. Его экстренно взяли в операционную.

— Где операционная? — выдохнула Ольга.

— По коридору и направо. До конца.

Они помчались. Дверь в операционную была заветной и самой страшной чертой. Ольга с рыданием бросилась вперёд, пытаясь прорваться. Марк схватил её сзади, обхватив так сильно, что перехватило дыхание:

— Оль, нельзя! Ты им мешаешь! Держись!

Подошедшая медсестра сделала укол успокоительного, но адреналин и материнский ужас были сильнее. Они замерли у дверей. Время разделилось на «до» и «после», минуты ожидания стали чистилищем. Они молились, шептали обеща-

ния, сами не зная кому, лишь бы услышал.

Дверь открылась. Вышел мужчина средних лет, лицо в капельках пота, за спиной читалась неподъёмная тяжесть. Ольга подскочила, схватив за рукав халата:

— Доктор, скажите! Что с сыном? Он жив?

Врач молчал. Он смотрел в её полные надежды глаза и не находил слов. Как сказать этой женщине, что все её мечты, все «мама, я тебя люблю» — оборвались? Несколько секунд молчания стали вечностью. Наконец он поднял взгляд и произнёс тихо, с чудовищной чёткостью:

— Мне очень жаль... Мы сделали всё, что могли. Примите соболезнования.

Мир для Ольги рухнул.

— Нет! Нет! Это неправда! Мой сын не мог умереть! НЕТ!

Она вцепилась в его халат, трясая, пытаясь заставить взять слова назад:

— Почему вы не спасли?! Вы не оставили шанс маленькому мальчику! Вы отняли у меня самое важное! Моего сына! Нет, я не верю вам! НЕ ВЕРЮ!

Она отшатнулась, сделала два неуверенных шага назад. Взгляд стал пустым, бездонным — ни надежды, ни жизни, лишь всепоглощающее опустошение. Ноги подкосились, и она без сил рухнула на колени, беззвучно рыдая.

Марк подхватил её, прижал к груди. Он не плакал. Вся боль, всё отчаяние ушли внутрь, сжавшись в тугую холодный ком в горле. Он держал на руках свою половинку и понимал:

они только что потеряли будущее. Его сын, кровинушка... Он не успел свозить его на море, не научил всему, что знал сам, а самое главное — Марк не увидит, как растёт его сын. Он стал птицей, улетевшей на небеса, оставив после себя лишь тишину.

Ольга внезапно издала душераздирающий, нечеловеческий крик — крик разорванного на миллионы осколков материнского сердца. В этот день она потеряла не просто ребёнка. Она потеряла смысл жизни. Тело обмякло, сознание не выдержало.

— ВРАЧА! — закричал Марк, держа потерявшую сознание жену, и его голос, полный боли, эхом разнёсся по коридору.

Мир сузился до холодного больничного пола и хрупкого тела жены в его объятиях.

— Оля, милая, пожалуйста, не оставляй меня, прошу... — его голос, сорванный до шёпота, был полной противоположностью рёву боли внутри. Он гладил её по щеке, пытаясь вернуть в реальность.

Подбежавшие врачи мягко, но настойчиво отодвинули его. Он беспомощно наблюдал, как Ольгу перекладывают на каталку. Колёса застучали по кафелю, увозя в неизвестность. Он пошёл следом.

Глава 3

В палате, куда определили Ольгу, наступила звенящая тишина. Женщине ввели успокоительное и снотворное. Ольга погрузилась в сон, а Марк сел у кровати жены, взял безвольную холодную руку в свою, пытаясь передать хоть каплю тепла. Внутри всё разрывалось на осколки. Он смотрел на её бледное лицо и не понимал: что будет завтра? Как дышать? Как жить в доме, где из каждой щели будет мерещиться детский смех? Воздух стал густым и удушливым. Нужно было выбраться, иначе он задохнётся.

Марк выскочил на улицу и грузно опустился на бетонные ступеньки. Он был не просто отчаявшимся — в душе ощущал лишь пустоту. Выжженную пустыню, по которой ветер гонял чёрный пепел утраты. Он потерял не сына. Он потерял будущее, свет, сокровище. Все цели, планы, сама тяга к жизни — всё оборвалось в один миг.

В этот момент к больнице, визжа шинами, подъехала знакомая машина. Выскочили отец Ольги, Михаил Юрьевич, и её брат Станислав. Михаил, седовласый, кряжистый мужчина, теперь выглядел постаревшим на десять лет. Стас, всегда уверенный, был бледен и растерян.

— Марк! Что с Сеней? Не молчи! — Михаил схватил зятя за плечи, тряся, пытаясь вытащить из оцепенения.

Но Марк смотрел сквозь них, взгляд пустой, остекленев-

ший. Боль была заперта внутри, сжирала его живьём. Это самое страшное состояние — когда ты сам для себя становишься и палачом, и пыткой.

— Марк, что с Арсением?! Петя позвонил, сказал что-то невнятное, я только понял, что Сеня в больнице и в этом виноваты доронинские бандюги! — почти крикнул Стас.

И тогда Марк произнёс это. Тихо, без эмоций, словно читая чужой доклад:

— Сени больше нет. Мой мальчик ушёл. Я не уберёг.

Он произнёс это вслух, и плотина рухнула. Глухой, животный стон вырвался из груди, переходя в рыдания. Он не плакал, он выл — безутешно, по-звериному, теряя последние остатки самообладания.

Михаил Юрьевич притянул его к себе:

— Поплачь, сынок, легче станет...

— Легче? — Марк отшатнулся, глаза вспыхнули бешенством. — Как мне может стать легче?! Я потерял частицу себя! Вы теряли ребёнка? НЕТ! — голос гремел. — Я потерял самое дорогое! Моего СЫНА! И всё это, — он подошёл вплотную к брату жены, палец, как клинок, уткнулся в него, — из-за твоего сына! Слышишь?! Я его порву! Сколько мы просили — поговори с ним! «Всё будет нормально»... Ну как, Стас?! Стало нормально?!

Он схватил Станислава за куртку.

— Твой племянник в морге! Сестра под капельницей! Я в аду! Доволен, что произошло из-за твоего раздолбая?!

Стас, пытаясь сохранить самообладание, пробормотал:

— Марк, я понимаю, тебе больно... но это не значит, что его нужно во всём винить...

— Не значит?! — Марк с силой оттолкнул его. — Иди! Посмотри на сестру, потом поговорим! Палата 30!

Станислав сорвался с места. Нашёл нужную палату, из неё выходил врач. Стас попытался пройти, но доктор преградил путь:

— Вы кто?

— Там моя сестра, Ольга Соколовская! Доктор, как она?

— Состояние тяжёлое. Спит под седативными. Не беспокоить, эмоциональный фон крайне нестабильный.

— Доктор, может, что-то нужно? Что сделать, чтобы ей стало легче? Мы всё сделаем...

Врач посмотрел с усталым раздражением:

— Потерять ребёнка — не простуда. Это рана, которая не заживает годами. Не дай Бог вам пережить то, что сейчас переживает ваша сестра.

Эти слова добили. Стас опустился на стул у палаты, схватился за голову. Холодное понимание вины накрыло с головой. Он попытался представить, что чувствует сестра, и понял — она не простит. Никогда.

Он выскочил на улицу, злой, раздавленный. Марк нервно курил, Михаил Юрьевич напряжённо говорил по телефону. Стас попытался пройти мимо, но Марк грубо остановил:

— А ты куда? Насмотрелся? Есть что ответить?

Станислав остановился, плечи бессильно опустились. Злость ушла, осталось лишь горькое осознание:

— Марк... ты прав. Я виноват. В том, что сын вырос игроманом. В смерти племянника. В состоянии сестры. Я не знаю, что ответить. Я хочу пойти в милицию. Прямо сейчас. Заявить на своего же сына и на тех, кто это сделал. Это не должно остаться безнаказанным.

Марк затянулся, выдохнул дым и посмотрел уставшими, потухшими глазами:

— Стас... Они понесут наказание. И Петя в том числе. Но не сейчас... — голос дрогнул. — Дай мне похоронить сына. Хочу всё сделать как надо. У моего Сени не было жизни... Пусть будут достойные похороны. А я... я понятия не имею, как это организовывать. Мне нужна ваша помощь. Поддержка. Я не справлюсь один. Оле сейчас не до этого... Я должен быть с ней рядом.

На этом разговор закончился. Трое сломленных мужчин стояли в больничном дворе, объединённые общим горем, в котором тонули все обиды, но из которого ещё предстояло искать путь к спасению. Если такой путь вообще существовал.

Прощание

Ночь у больницы растянулась в бесконечную пытку. Марк, Михаил Юрьевич и Станислав молча курили в темноте, озаряемые лишь тусклым светом фонарей. Горе — тяжёлое, неподъёмное — витало в воздухе. С первыми лучами

рассвета врачи разрешили забрать Ольгу.

Когда её вывезли в коляске, Марк сжал кулаки. Жена, всегда сильная и энергичная, была тенью самой себя: лицо серое, опустошённое, глаза, красные от слёз, смотрели в никуда. Когда попыталась встать, ноги подкосились. Не говоря ни слова, Марк бережно, как хрустальную вазу, подхватил её на руки. Она безвольно положила голову ему на плечо — последнее пристанище, что у неё осталось.

На выходе остановил администратор:

— Марк Соколовский?

Он повернул голову и еле заметно кивнул.

— Нужно подписать документы...

Марк молча передал Ольгу отцу и вернулся в зловеще знакомый коридор. Ему подали бумаги — согласие на операцию и разрешение на вскрытие. Каждая строчка была свидетельством того, что сын превратился в дело, в номер, в медицинский случай. Ручка дрожала в пальцах. Он ставил подпись, а по щекам беззвучно текли слёзы, капая на бланки, превращая чернила в синие разводы горя.

Вернувшись к машине, он снова взял Ольгу на руки, и они поехали в деревню. Дом, всегда наполненный смехом, встретил гнетущей, хлопающей дверьми тишиной. В сенях толпились родственники, лица искажены сочувствием и ужасом. Петя отсутствовал — не смел показываться на глаза, и все понимали почему.

Марк донёс Ольгу до спальни, до их постели, которая те-

перь казалась огромной и чужой. Накапал успокоительного, жена покорно выпила, уставившись в одну точку на потолке. Вскоре вошла Нинель — её подруга с первого класса, вторая сестра. Их дружба, прошедшая через детские секреты, учёбу, радости и беды, была нерушимой. Нинель, не говоря ни слова, легла рядом, обняла Ольгу и стала гладить по волосам. Иногда слов не нужно — нужна лишь тихая, нерушимая поддержка.

На кухне гремела похоронная суета. Под присмотром тётушек составляли списки. Марк смотрел на слова «гроб», «венки», и его охватывала тошнота. Он готовился к похоронам собственного сына. Семилетнего мальчика. Мир потерял краски и смысл. Михаил Юрьевич договаривался о месте на кладбище — последнем пристанище для того, кто едва начал жить.

Анна-Мария, мать Ольги, с осунувшимся лицом, вместе со Стасом поехала в город за погребальным костюмом для маленького Арсения и продуктами на поминки. По дороге заехали к Никите. Узнав о трагедии, тот сначала не поверил, а потом, осознав, разрыдался, как ребёнок, — Сеня был его любимцем.

Нинель обзванивала знакомых, и вскоре дом наполнился тихим шорохом шагов, шёпотом и запахом готовящейся еды — последней услуги для ушедшего.

Самый тяжёлый звонок лёг на Марка. Он набрал морг. Ему ответили казённым голосом: тело можно будет забрать

через два дня. Слова, прозвучавшие так буднично, его удивили.

— Через два дня... — повторил он, роняя трубку. Опустился на стул, и его снова накрыло волной рыданий.

— Я виноват... Я виноват... — твердил он, сжимая голову руками, пытаясь заглушить невыносимый внутренний голос.

Два дня пролетели в кошмарном сне. Они стояли у свежей могилы. Народу пришло невероятно много — весь класс Сени с родителями, соседи, друзья, дальняя родня. Все пришли проститься с маленьким солнышком, которое так рано закатилось.

Ольга держалась. Плакала тихо, сжав платок, но была тверда. До того момента, пока гроб не начали медленно, неумолимо опускать в сырую, тёмную яму.

И тут в ней не осталось сил сдерживать внутренний бушующий ураган.

— Нет! Нет, нет, нет! — крик пронзил застывший воздух. — Не опускайте его туда! Ему там холодно и темно! Он испугается!

Она рванулась вперёд, к краю могилы:

— Откройте! Слышите, откройте крышку! Моему сыну нечем дышать! ОТКРОЙТЕ!

Метнулась к отцу, ухватила за его руку, глаза полны безумия и мольбы:

— Папа! Папочка! Скажи им! Сенечке там нечем дышать! ПАПА! Ну почему ты молчишь?!

Михаил Юрьевич, сам едва стоя на ногах, спустился к дочери, обнял её исступлённо дрожащее тело:

— Успокойся, дочка, успокойся... — хрипел он, а по щекам катились редкие, тяжёлые слёзы.

От этого зрелища, от криков жены, от осознания окончательности у Марка потемнело в глазах. Земля ушла из-под ног. Он начал падать, но крепкие руки Стаса и Никиты подхватили:

— Марк! Ты чего? Держись, брат, слышишь?!

Кто-то сунул под нос ватку с нашатырём. Резкий запах вернул в реальность, но он был бледен и еле держался на ногах.

Когда начали бросать горсти земли на крышку гроба, он стоял с каменным лицом, по которому сами собой текли слёзы. Он больше не мог. Опустился на колени перед Ольгой, и они, обнявшись, зарыдали вместе — два сломленных человека на краю пропасти.

Звук первой лопаты земли, ударившей о дерево, заставил Ольгу вздрогнуть. Она резко обернулась к могиле, и лицо вдруг прояснилось неестественным, страшным спокойствием:

— Нет, сынок, — сказала она тихо и убедительно. — Смотри, мы с папой не плачем. Не плачем. Мы сейчас заберём тебя домой, слышишь?

Марк, не в силах сдержаться, снова зарыдал. И тогда Ольга с силой, которой от неё нельзя было ожидать, дала ему

пощёчину.

— Не смей! — прошипела она. — Слышишь? Не смей плакать! Наш сынок этого не хочет! Он хочет пойти с нами домой!

Боль, которую испытал Марк, была острее ножа. Он при-
тянул её к себе, прижал к груди и, глядя по волосам, шептал
охрипшим голосом:

— Тише... Тише, родная... Всё пройдёт... — говоря ложь,
в которую не верил ни секунды.

Когда все разошлись и у могилы остались только они двое,
наступила звенящая тишина. Родственники отошли в сторо-
ну, давая им проститься.

— Вот и всё, Марк, — голос Ольги был пустым. — Наш
сын под этой кучей земли. И ему уже не помочь. Мы не уви-
дели, как он растёт... Не услышим «мама, я пришёл»... Не
насладились его запахом... Понимаешь?

— Да, понимаю, — голос сорвался. — Я не выдерживаю,
понимаешь? Не выдерживаю. Я умираю сейчас вместе с ним.
Хочу оказаться там, по ту сторону, с ним... Мне ничего не
надо... Я виню себя. Это я во всём виноват! Какой я отец?!
Я сам отпустил его в тот день...

— Я тоже... — прошептала Ольга. — Я тоже не понимаю,
почему он... Да, ты виноват. И я виновата. Мы не должны
были его отпускать. А сейчас... сейчас я не знаю, как быть с
тобой. Не знаю, как простить тебя...

Сказав это, она поднялась, поцеловала холодное фото

на временном памятнике и, не оглядываясь, пошла к отцу. Марк остался один. Он упал на свежую, сырую землю, обнимая её, как когда-то обнимал сына.

— Прости... Прости меня, сыночек...

Он не хотел уходить. Хотел остаться здесь навсегда. Стас с Никитой молча подошли, с силой, но бережно подняли его и помогли дойти до машины.

Поминки прошли в тумане. Говорили хорошие слова, вспоминали светлое. Марк и Ольга сидели, почти не реагируя. Когда всё закончилось и женщины помыли посуду, в доме снова воцарилась гробовая тишина.

Ольга, не говоря ни слова, ушла в комнату и легла. Сон был единственным спасением. Марк остался на кухне один на один с мыслями-демонами. Он достал сигарету, дрожащими руками закурил, налил стопку водки и залпом выпил. В тот момент, в клубках дыма и алкогольном огне, ему не хотелось жить. Ни капли.

Так, под грузом невыносимой боли, семья Соколовских — Ольга и Марк — похоронила своего единственного сына, своё солнце, своё будущее. Арсения Марковича Соколовского. А вместе с ним похоронила и самих себя — тех, кем были когда-то. Теперь им предстояло научиться жить в новом, безрадостном мире, где навсегда поселилась тишина.

Глава 4

Две недели после похорон. Для мира — мгновение. Для Марка и Ольги — вечность, растянутая в бесконечной бездне пустых, давящих дней. Жизнь вокруг, как назло, начала набирать свой привычный, безжалостный оборот. Родственники потихоньку вернулись к своим делам, соседи перестали шептаться за спинами, и только их дом так и остался застывшим саркофагом, где время остановилось в тот роковой миг.

Они существовали в нём, как два призрака, скользящие по разным орбитам, не находя точек соприкосновения. Единственным ритуалом, который их объединял, было ежедневное посещение кладбища. Но и туда они ходили по отдельности, будто боялись осквернить своё горе совместным присутствием. Ольга приходила утром, приносила свежие цветы, часами сидела на холодной лавочке, беззвучно шепча сыну свои обиды и упрёки, главный из которых был адресован мужу. Марк навещался под вечер, когда солнце клонилось к закату. Стоял, сгорбившись, сжимая в кармане кулаки, и его молчаливый монолог был полон ненависти к Пете и к самому себе.

Стена молчания между супругами росла, становясь всё толще и неприступнее. Ольга винила Марка в самой возможности той трагедии. «Почему он его отпустил? Почему не проследил?» — эти вопросы жгли её изнутри. Марк, в свою

очередь, всю ярость и отчаяние направлял на племянника, видя в нём корень всего зла.

За эти две недели в мире правосудия кое-что сдвинулось с мёртвой точки. Сразу после похорон Марк, не говоря ни слова Ольге, взял сочувствующего и мрачного Стаса, и они вдвоём буквально под руки доставили Петю в здание милиции. Тот, подавленный и сломленный, не сопротивлялся.

В кабинете следователя, под неяркой лампой, Петя, запынаясь и глотая слёзы, дал свои показания. Его рассказ, полный отвращения к самому себе, был исчерпывающим: незаконный клуб в селе Кручан, долг перед Степановым Виталием по кличке Гром, жестокая расправа на берегу и — самый страшный, пронзивший всех присутствующих эпизод — мальчишеская, отчаянная попытка Арсения защитить брата.

— ...Когда Сеня увидел, как меня бьют, он сказал: «Держись, братишка, я позову на помощь!» Он побежал в сторону деревни, но Виталий остановил его и схватил... Я услышал, как Арсений вскрикнул, укусил его за запястье, а тот... тот со всей дури ударил его кулаком в висок. Мальчик отлетел, как подкошенный, и... головой со страшным стуком ударился о торчащий из земли камень...

Операция по задержанию банды была быстрой и блестяще спланированной. Петя, исполненный решимости искупить хоть каплю вины, сам пошёл к ним, сделав вид, что принёс долг. В тот момент, когда Гром с самодовольной ухмылкой

взял в руки пачку купюр, дверь с треском выломали, и внутрь ворвались сотрудники милиции. Задержали всех — и Грома, и его брата Ярого, Святослава, и братьев-близнецов Мостовых.

Первый суд был коротким и напряжённым. Подсудимые пытались всё отрицать, валить друг на друга, но против них выступила неожиданная сила — те самые друзья Пети, которые тогда сбежали. Узнав о смерти ребёнка, их совесть заговорила, и они, несмотря на страх, дали чёткие, недвусмысленные показания. Машина правосудия, хоть и медленно, но сдвинулась с места.

Вернувшись с этого суда, Марк не почувствовал облегчения. Никакое наказание не могло вернуть сына. Дом снова поглотил его своей гнетущей тишиной. Он не знал, как подойти к жене, что сказать. Любая попытка заговорить казалась кощунством. И он выбрал самый простой и разрушительный путь — молчание, заливаемое алкоголем. Бутылка стала его единственным собеседником, дарящим на пару часов забвение и усугубляющим боль наутро.

Ольга наблюдала за этим саморазрушением, и её собственное горе начало замешиваться на отчаянии и растущем страхе. Стена между ними становилась непроходимой. И она поняла — так больше нельзя. Молчание убьёт их окончательно. Решение, которое зрело в ней все эти дни, было тяжёлым, горьким, но единственно возможным, как ей казалось.

В тот вечер Марк, пахнувший перегаром и тоской, вернул-

ся домой. В прихожей его встретила непривычная тишина — не скорбная, а напряжённая. Он прошёл на кухню и замер на пороге. Ольга сидела за столом. Она ждала его. Её руки были сложены перед собой, лицо — бледное, но решительное.

— Добро пожаловать, — её голос прозвучал ровно и холодно, словно удар тонким лезвием.

Марк опешил. Это было первое обращение за две недели. Он растерянно пробормотал:

— Привет.

— Марк, садись. Я считаю, нам пора поговорить. — Она сделала паузу, глотая воздух, будто ей не хватало кислорода. — Мне очень сложно сейчас подбирать слова. Внутри... всё переворачивается.

Он молча опустился на стул, чувствуя, как по спине разливается ледяной пот. Он был готов к упрёкам, к крику, к слезам. Но не к тому, что последовало дальше.

— За эти две недели я очень много думала. Днём и ночью. Думала о том, как мы будем вместе продолжать жить после всего, что случилось. — Её голос дрогнул, но она взяла себя в руки. — Я безумно сильно любила нашего сына. И люблю. Моё сердце разрывается на части, когда я думаю, где он сейчас... и почему его с нами нет.

Она посмотрела на него прямо, и в её глазах он увидел не только боль, но и какую-то страшную, окончательную ясность.

— Я верю, всем сердцем верю, что ты чувствуешь то же

самое. Но посмотри на нас, Марк. За эти дни мы изменились до неузнаваемости. Мы перевернули себя с ног на голову. Ты... ты стал другим. Ты стал пить. А я... я перестала с тобой говорить. И не без причины. Да, я тогда, в больнице... я сказала, что это ты виноват. И я сейчас прошу у тебя за это прощения. Ни один родитель не заслуживает таких слов. Я знаю, что ты один борешься за справедливость, пытаешься наказать тех, кто... кто отнял у нашего мальчика жизнь. И я благодарна тебе за это. Благодарна за твоё терпение, за то, что ты не ответил мне тогда взаимной жестокостью.

Она снова замолчала, собираясь с силами для самого главного.

— Но сейчас... сейчас мне будет ещё тяжелее подобрать слова. А тебе — тяжелее их принять. Марк... Я долго думала и приняла решение. Ты знаешь, как я к тебе отношусь. И я знаю, как ты ко мне относишься. Но я прошу тебя... давай возьмём паузу. Давай разъедемся. Давай побудем одни. Давай перестанем, по крайней мере на время, общаться. Нам обоим нужно... нужно понять, как дышать заново. Как жить после этого. И я не знаю, возможно ли это... вместе.

Марк сидел, словно парализованный. Её слова долетали до него обрывками, не складываясь в осмысленную картину. «Пауза... Разъедемся... Побудем одни...» Он смотрел на лицо женщины, которую любил всю свою взрослую жизнь, и не видел в нём ничего, кроме холодной, отрешённой решимости. В его опьянённом сознании застряла лишь одна, простая

и убийственная мысль: она его бросает. В самый страшный момент его жизни, когда рухнуло всё, она решила отнять у него последнее. Её.

Он не кричал, не плакал. Он просто сидел, ошарашенный, чувствуя, как под обломками его мира образуется новая, бездонная пропасть.

Слова Ольги повисли в воздухе, казалось, вытеснив из кухни весь кислород. Секунда, другая... И вот по лицу Марка, искажённому гримасой недоверия и боли, прокатилась волна горького, почти истерического смеха, в котором не было ни капли веселья.

— Ты сейчас шутишь, да? — его голос сорвался на хриплый шёпот, а затем взорвался. — Паузу?! — он посмотрел на лицо жены, в котором читалось непонимание его реакции. — Я не понимаю, вот правда не понимаю, какую реакцию ты ожидала увидеть? Чтобы я спокойно кивнул и сказал: «Да, дорогая, конечно, возьмём паузу, отличная идея в тот момент, когда я тону»? Ты реально так думала обо мне? Ты что, за все эти годы так и не узнала своего мужа? Думала, я так легко откажусь от всего, что мы прошли, от всего, что мы построили?

Он вскочил, и его тень, отброшенная на стену, казалась огромной и разъярённой.

— Что ты творишь, Оля?! Я не понимаю тебя! Я думал, мы всё-таки СЕМЬЯ! Я думал, да, это кризис, мы потеряли сына, это ад, но надо потерпеть, надо подождать! Вместе!

Я верил, что всё встанет на свои места, ты придёшь в себя, мы потихоньку... да, не будет как прежде, никогда уже не будет, но мы восстановимся! Пройдём через это, держась за руки! Любя друг друга, как и прежде! А ты... ты просто решила поставить на всём жирный крест? Решила, что проще всё сжечь? Ну конечно, это же проще — взять и перечеркнуть все наши годы, всё хорошее, что было между нами! Проще не видеть мою боль и сбежать именно тогда, когда ты нужна мне больше всего! Сбежать подальше, лишь бы не видеть, как я разваливаюсь на куски, лишь бы не признавать, что мне тоже, чёрт побери, невыносимо больно!

Он тяжело дышал, его грудь ходила ходуном. В его глазах стояли слёзы ярости и отчаяния.

— Хочешь развода? — выдохнул он, и в этих словах прозвучал приговор. — Значит, ты разлюбила меня. Что ж, дело твоё. Хорошо. Я дам тебе этот развод. Мы разъедемся сегодня же! Я не хочу жить там, где меня не хотят видеть, и не хочу быть с тем, кто меня не ценит и не любит! Будет по-твоему!

Ольга, наконец, вышла из ступора. Она вскочила, её глаза полыхали.

— Стой! Стой, ты меня не так понял! Я не хочу развода! Я люблю тебя, я всё ещё люблю тебя! Мне просто нужно побыть одной, чтобы обдумать, как нам быть дальше! Просто подышать!

— Побыть одной? — он язвительно передразнил её. — Не

хочешь развода? Тогда запомни раз и навсегда: если мы сейчас разъедемся по разным углам, для меня это будет означать только одно — ты меня разлюбила и хочешь, чтобы я исчез из твоей жизни. Для меня не существует понятия «пауза»! Люди, даже если ругаются, даже если ненавидят друг друга в какой-то момент, они должны быть вместе! Если тебе захотелось побыть одной — ради Бога! Я не буду тебя трогать, дам тебе пропадать в своих мыслях хоть сутки напролёт! Но если ты сейчас уйдёшь из этого дома, если мы разъедемся — это будет конечной точкой нашего брака. Я сейчас уйду и дам тебе подумать. У тебя есть два пути: либо собрать все мои вещи и выставить их за порог, и я уйду навсегда. Либо... просто остаться здесь. Встретить меня и сказать, что ты остаёшься дома. Да, наедине со своими мыслями. Да, в другой комнате. Но дома.

Не дав ей возможности вставить и слова, он резко развернулся и, с грохотом захлопнув дверь, выбежал из дома.

Марк вырвался на улицу, и его накрыло первой же волной осеннего ветра. Он стоял, прислонившись лбом к холодной стене сарая, и задыхался. В ушах звенело, а в груди будто раскалывался на части горячий, тяжёлый камень. Он думал, как собрать себя в кучу, как решить эту нерешаемую задачу. Ему нужно было говорить. С кем-то. Единственным человеком, кто мог его сейчас понять, был младший брат Ольги, Никита. Они всегда были на одной волне, несмотря на разницу в возрасте. Никита, который сам когда-то сбежал в го-

род после ссоры с отцом, построил свою жизнь, растил двойняшек — Льва и Лукерью. Он понимал что-то такое о жизни, чего не понимали другие.

Добравшись до города на маршрутке, Марк стоял у знакомой двери, не решаясь нажать на звонок. Неправильно это — жаловаться брату жены на саму жену. Но выбора не было. А с другой стороны, он понимал, что пришёл не жаловаться брату жены — он пришёл излить душу другу. Дверь открыла Маша, жена Никиты. Её улыбка мгновенно сменилась выражением тревоги, когда она увидела его лицо.

— Марк, привет... Проходи. Ты как?

— Привет, — его голос звучал хрипло. — Не очень, если честно. Мне нужно поговорить с Никитой.

— Никита, Марк пришёл! Проходи на кухню, он ужинает. Ты не голоден?

— Ой, нет, — Марк мотнул головой, чувствуя, как его тошнит от одной мысли о еде. — Совсем не голоден.

Никита сидел за столом, и его взгляд, полный немого вопроса, был красноречивее любых слов.

— Никитос, привет.

— Привет, дружище, — отозвался тот, отодвигая тарелку. — Выглядишь хуже некуда. Садись, рассказывай, что стряслось.

Марк рухнул на стул, сгорбившись, и выпалил:

— Оля решила взять паузу.

Никита молчал, давая ему выговориться.

— Никит, ты же знаешь меня, как облупленного, — голос Марка срывался. — Пауза для меня — это конец. Конец отношений, конец брака, конец всего! Ты прекрасно знаешь, что для меня брак — это навсегда! Перед моими глазами есть такой пример! Если мы вместе, то никаких «пауз»! Мы должны через всё проходить вместе! Через все наши беды, обиды, падая и поднимаясь, спотыкаясь и находя силы идти дальше! И горе, и радость — всё делить пополам! А она... она говорит, что ей сложно. Да, я понимаю, ей тяжело пережить смерть сына... А МНЕ НЕ ТЯЖЕЛО?! — он крикнул, ударив кулаком по столу. — Я с ума схожу от боли! Мне так же плохо, как и ей! Но я держусь и думаю о ней каждую секунду, боясь, как бы она не сделала с собой чего! А она... «пауза»! И ещё... ещё не было ни дня, чтобы я не винил себя! Это же я... это я в тот день отпустил его на речку! Я!

Он замолк, опустив голову на руки. Никита тяжело вздохнул.

— Марк, я...

— Я понимаю, — перебил его Марк, не поднимая головы. — Она твоя сестра. Твоя кровь. Ты должен быть на её стороне. Понимаю. Но ты... ты единственный, кому я могу это всё высказать.

— Нет, ты не понял, — тихо, но твёрдо сказал Никита. — Да, я понимаю, что ей невыносимо тяжело. На вас обоих свалилось такое, что не пожелаешь и врагу. И вы проходите сейчас самые тёмные времена. Но... Оля поступает непра-

вильно. Она изменилась, и сейчас, пока боль не притупилась, бессмысленно что-либо ей доказывать. Я не знаю, что будет с вашими отношениями. Но знаю одно: ты должен держаться. И помни — я всегда рядом, брат. Чем смогу — помогу. Всегда выслушаю.

— Я всё это понимаю умом, — прошептал Марк. — Но почему она... почему она не может войти в моё положение? Она хочет разрушить то немногое, что у нас осталось! Да, мы потеряли сына... Ни я, ни она не сможем повернуть время вспять. Я не могу этого принять! Она ведь прекрасно знает, как велика моя любовь к ней...

— Я уверен, что знает, — Никита покачал головой. — Но она сама не понимает, что творит, Марк. Она, как раненый зверь, хочет забиться в нору и зализывать раны в одиночку. Дай ей время.

Марк не нашёл, что ответить. Они просидели в тягостном молчании до семи вечера. Никита, видя его состояние, настоял на том, чтобы отвезти его домой на машине.

Подъезжая к дому, Марк впился глазами в крыльцо, в темноту у двери. Его вещей там не было. Слепая, иррациональная надежда вспыхнула в нём. «Она осталась», — пронеслось в голове.

Он выскочил из машины, бросив на ходу благодарность Никите, и почти бегом бросился к дому. Дверь открылась его ключом. Внутри было темно и тихо. Слишком тихо. Он щёлкнул выключателем в прихожей — свет не зажёгся. Серд-

це упало. Он прошёл в гостиную, на кухню — везде был выключен свет и царил идеальный, мертвенный порядок.

Словно ведомый дурным предчувствием, он шагнул в их спальню. Огляделся — никого, пустота, и эта пустота что-то перевернула внутри, сердце болезненно сжалось. Оценив комнату взглядом, он зацепился за клочок бумаги. Конверт, одиноко лежащий на тумбочке с её стороны кровати, где всегда стояла её фотография с Сеней. Белый прямоугольник на тёмном дереве, как надгробная плита.

Руки Марка задрожали. Он взял конверт, ощущая его злобующую лёгкость. Внутри лежал сложенный лист бумаги. Он развернул его, и взгляд упал на знакомый, изящный почерк, который теперь казался чужим и безжалостным.

«Если ты читаешь это письмо, значит, я ушла. Ушла из твоей жизни, потому что у меня не хватило сил сказать это вслух. В нашей жизни всё было как в самой красивой сказке. Но, как оказалось, только в детских книжках принцессы навсегда остаются с принцами. Жизнь оказалась жестокой и беспощадной. Она обратила в пепел все страницы, что мы с тобой исписали вместе. Я знаю, ты читаешь эти строки, и слёзы каплют на бумагу, оставляя разводы, словно дождь на пустом окне. И однажды этот листок тоже станет пеплом, и от наших слов не останется и следа.

Я благодарна тебе за каждый миг, что мы прожили. Они навсегда оставили свой отпечаток в моей душе. Я буду вспоминать нашу жизнь с улыбкой и с тихой, пронзительной

болью внутри. Ты имеешь для меня огромное значение, но я не могу поступить иначе. Я не вижу другого пути. Я решила покинуть нашу общую книгу, пока мы не начали переписывать её заново и не увидели, что новые страницы испещрены лишь болью и упрёками. Назови это трусостью, бегством — как считаешь нужным. Я не осужу.

Ты принёс в мою жизнь столько красок и научил меня любить и быть любимой. Ты написал со мной самую прекрасную историю любви. Но она рухнула. Окончательно и бесповоротно. Она рухнула в тот день, когда перестало биться сердце нашего сына.

Родной мой, дорогой Марк. Ты — светлый, добрый, честный человек. И тебе ни за что не надо уходить из своего дома. Мне есть куда идти. И я ухожу.

Мы с тобой пережили то, что я не пожелаю и злейшему врагу. И это сделало нас жёстче. Выжгло дотла. Больно это осознавать, но это правда. Сейчас самое главное — не затеряться в той душевной тьме, что преследует нас обоих. Я ухожу, чтобы попытаться найти свой, отдельный, путь к свету. Если он вообще существует.

Ты сказал, что, если я уйду, это будет конец. Я приняла твои слова. Пусть это будет конец нашей истории. Давай разойдёмся, пока в нашей памяти остались лишь наилучшие воспоминания. Давай разойдёмся, пока мы не перешли ту грань, за которой остаются лишь ненависть и горы гнусных слов.

Ты навсегда останешься в моём сердце. Я запечатаю тебя и нашу былую любовь в самом его потаённом уголке. До конца своих дней я буду любить тебя, мой прекрасный и несчастный герой. Но нашей истории пришёл конец.

Прощай, мой любимый и неповторимый Романтик.

Твоя Оля.»

Марк не заметил, как соскользнул на пол, прислонившись к кровати. Письмо выпало из его ослабевших пальцев. Он не плакал. Он просто сидел в полной тишине огромного, пустого дома, и внутри него воцарялась та самая «душевная тьма», о которой писала Ольга. Только теперь он понимал, что она ушла навсегда.

Он не выдержал и заплакал. Ему было так больно, так тяжело, он не мог дышать. Он осознал, что за несколько недель потерял всю свою семью, потерял смысл жизни. Марк вышел на улицу, посмотрел на небо и произнёс:

— Я никогда не забуду фразу, которую сказала Сара Дессен, именно она и служит моим принципом по жизни: «Что такое семья? Люди, которым ты нужен. В радости и горе, в мелочах или в целом, они приходят в нужную минуту и остаются с тобой, несмотря ни на что». Но, видимо, я поверил не тем людям... Потому что она права: семья — это нечто другое, она должна быть и держаться всегда вместе. Я продолжу свой жизненный путь и буду бороться. Мой самый близкий человек ушёл в ту минуту, когда он нужен мне больше всего на свете. — На секунду он замолчал, а потом шёпотом по-

вторил: — В ту минуту, когда он нужен мне больше всего на свете.

Никита, который ждал Марка снаружи, не нашёл слов, чтобы сказать что-то в ответ, и просто продолжил стоять молча рядом. Простояли они в такой тишине минут тридцать, после чего он сказал Марку:

— Братишка, давай я останусь сегодня у тебя, я понимаю, как тебе сейчас нелегко.

— Нет, поезжай домой к семье, я приду в себя. Завтра второе заседание суда, мне нужно собрать мысли в кучу.

Никита попрощался с Марком и сказал, что завтра придёт на заседание. Всю ночь Марк не смог сомкнуть глаз, он лежал с пустой головой, в которой не было ни единой мысли. С утра сам сварил себе кофе, аппетита не было. Вскоре за ним приехал его знакомый Саша — коллега, он был для него как друг, мог всегда помочь и подсказать. У Саши была машина, и Марк попросил довезти его до города. Саша отвёз Марка к зданию суда. Он хоть и видел его состояние, хотел спросить, что же случилось, но решил не лезть человеку в душу и просто предпочёл молча ехать, не беспокоя его. Приехав в суд, Марк долго не решался выйти из машины и шагнуть в здание, но всё же вышел и пошёл в сторону входа. Войдя внутрь, он столкнулся с Ольгой. Она стояла лицом ко входу, будто ждала его. Марк, обойдя её, двинулся дальше, даже не начав разговор, — ему не хотелось ничего. Ольга так и осталась стоять там в одиночестве. Ожидая, пока всех пригласят

в зал суда, они стояли в коридоре. Марк и Оля стояли в разных сторонах — он не смотрел даже в сторону супруги, ему было тяжело, а Ольга, не отрывая взгляда, глядела на него, как на упущенное счастье. В коридоре появился Никита, он подошёл, обнял сестру, пройдя мимо отца с братом, обнял мать и прошёл к Марку.

— Дружище, привет, ты как? — они поздоровались рукопожатием.

— Привет, так паршиво ещё не было.

— Ты хоть спал?

— Нет, не смог уснуть. Как-то не получилось.

— Брат, ты работаешь сегодня?

— Нет, я завтра работаю, не переживай, выплусь сегодня.

— Ну не могу я смотреть на тебя, ты сам не свой, я же помочь хочу.

— Да, я понимаю, но не переживай, я справлюсь.

Тяжёлая дверь зала суда с глухим стуком отворилась, и в шумную, полную тревожного гула коридорную тишину вышел секретарь. Его безэмоциональный голос прорезал воздух: «Прошу всех пройти в зал. Суд начинается».

Они вошли, как входят в ледяную воду, — медленно и с содроганием. Марк и Оля инстинктивно потянулись в разные стороны, будто отталкиваемые невидимой силой. Он выбрал место в самом дальнем углу, за последним рядом, чтобы не чувствовать даже тепла её дыхания, не ощущать до

боли знакомый аромат её духов. Одно неверное движение, один взгляд — и он знал, что хрупкая плотина самообладания рухнет, и он заговорит. А говорить было не о чем. Слова закончились там, в их пустом доме, вместе с её уходом.

В зал вошёл судья. Раздался сухой, властный стук молотка по дереву, заставивший вздрогнуть даже самых стойких. «Встать! Суд идёт!» — эти ритуальные слова возвестили начало.

Слушанье прошло как один долгий, мучительный миг. Прокурор говорил гневно и обвинительно, адвокаты — витиевато и оправдательно. Марк почти не слышал. Он видел лишь лицо сына, его ясные глаза. Когда судья, выслушав все стороны, удалился для принятия решения, в зале воцарилась звенящая тишина, в которой каждый слышал только стук собственного сердца.

Сорок минут ожидания растянулись в вечность. Когда всех вновь собрали в зале, время словно сжалось в тугую комок. Судья вернулся, его лицо было непроницаемой маской. Марк, стиснув до белизны костяшки пальцев, чувствовал, как сжимается всё внутри него, будто его собственное сердце пытаются вырвать из груди. Каждое слово приговора падало, как тяжёлый молот: «...приговорить к пятнадцати годам колонии строгого режима...» Имя главаря, Грома, прозвучало как финальный аккорд.

«Грома». Какая насмешка. Настоящая гроза грянула в их жизни в тот роковой день, когда жизнь их мальчика унесла

простая, никому не нужная жестокость.

Марк закрыл глаза и сделал первый по-настоящему глубокий вдох за все эти недели. Воздух больше не был густым от горя. Он был горьким, холодным, но это был воздух возмездия. За смерть его невинного, маленького солнышка наконец-то понесут наказание.

Суд окончился. Марк вырвался из здания суда на улицу, словно из камеры, и, не раздумывая, пошёл прочь, куда глаза глядят. Ноги сами принесли его на набережную. Пронизывающий ветер с реки бил в лицо, но он был благодарен ему — ветер отгонял дурные мысли и смывал с лица накатившие слёзы. Марк бродил часами, шаг за шагом пытаясь вытоптать свою боль. Река текла спокойно и равнодушно, неся свои воды вдаль, и он думал, что ему пора бы тоже научиться течь дальше. Взглянув на часы, он с удивлением обнаружил, что уже шестой час вечера. Пора возвращаться в то место, что когда-то было домом.

Такси мчалось по знакомым улицам, но всё вокруг казалось чужим. Дом встретил его гробовой тишиной. Он вскипятил воду, заварил чай и сел на кухне за большой стол. И тут его накрыло. Волна воспоминаний обрушилась с такой силой, что он едва не задохнулся. Вот здесь, справа от него, всегда сидел Сеня, стуча ножками по ножке стула. Напротив — Оля, улыбаясь, разливала по кружкам ароматный чай с бергамотом. Их смех, их разговоры, тёплое свечение лампы — всё это было так осязаемо, что он протянул руку, чтобы

коснуться призрака бывшего счастья. Но его пальцы встретили лишь холодную, пустую поверхность стола.

Он оставил нетронутой полную чашку, сходил в душ, надеясь, что вода унесёт с собой тяжесть дня, и лёг спать, приказав себе не думать. Сон был единственным убежищем.

Глава 5

Утро пришло слишком быстро. Механически собравшись, Марк отправился на работу. И вот, на перекрёстке, словно по злой иронии, он увидел её. Олю. Она шла, опустив голову, и казалась такой хрупкой и потерянной.

— Привет, — тихо, почти неслышно, поздоровалась она, остановившись рядом.

Марк медленно повернул голову. Его взгляд был пустым.

— Ты мне?

— Ну, а ты видишь ещё кого-то тут? — в её голосе прозвучала усталая попытка шутки.

— Нет. Просто странно. Ты собрала вещи, ушла, а сейчас... как ни в чём не бывало решила заговорить. Хотя... — он махнул рукой, — ладно. Всё равно нам надо поговорить. Не переживай, разговор будет коротким. Я решил продать дом.

Лицо Оли исказилось от изумления и боли.

— Что? Но как? Зачем?

— Этот дом... он на меня давит. Каждая комната, каждая щель. Мне одному не нужен такой большой дом. Половину от продажи я отдам тебе, другую вложу во что-нибудь маленькое, себе. Не переживай.

— Нет, Марк, мне ничего не нужно! — в её глазах блеснули слёзы.

— Нет, — его голос стал твёрдым, как сталь. — Это и твой дом. Я отдам тебе то, что принадлежит тебе по праву. Мне ничего от тебя не нужно.

— Марк, послушай...

— Нет, Оль, это ты меня послушай! — он резко перебил её, и в его глазах вспыхнула накопленная усталость. — Я достаточно наслушался. Я устал. Устал от боли, от разговоров, от всего. Да, ты мне всё ещё дорога. Я, чёрт возьми, всё ещё люблю тебя, и не уверен, что смогу когда-нибудь почувствовать то же самое к кому-то ещё. Но я научусь давить в себе эти чувства. Я хочу продать дом как можно скорее и уехать отсюда. В город. Чтобы мы не пересекались каждый день. Я не хочу страдать ещё больше. Ты выбрала себя, когда ушла. И я теперь выбираю себя. Хочу жить дальше. Поэтому не нужно ничего говорить. Просто ответь, когда будешь готова, я возьму выходной, мы сходим в ЗАГС и подадим на развод. Там всё равно месяц ждать, так что... ты знаешь, где меня искать.

— Марк, да что ты такое говоришь? Остановись! Ты же знаешь, как ты мне дорог! — её голос дрожал.

— Знаю или нет... В последнее время я не знаю ничего. Я всё сказал. Я позвоню, когда всё будет решено. Ладно. Пока. Я на работу опаздываю.

Он резко развернулся и пошёл, не оглядываясь. Она окликнула его ещё два раза, отчаянно, но он не остановился и не обернулся. Он просто шёл, оставляя позади себя об-

ломки их общей жизни. Оля, постояв с минуту, сжав кулаки, поплелась в противоположную сторону, наскоро смахивая предательские слёзы.

Придя в офис, Оля долго сидела, бесцельно уставившись в экран компьютера, не в силах взяться ни за одно дело. Мир потерял краски и смысл. Вышедший из кабинета председатель Сергей Петрович с отеческой заботой выразил ей соболезнования и попросил принести кофе.

Приготовив напиток, она занесла его в кабинет.

— Ваш кофе, Сергей Петрович.

— Спасибо, Оленька. Присядь, поговорим. — Он жестом указал на кресло. — Нужно отвлечься на дела. Завтра к нам приезжает столичный представитель корпорации Мартыновых. Речь идёт об аренде наших земель, возможной покупке и новых рабочих местах. У меня времени в обрез, и мне нужен надёжный человек, который будет курировать его с нашей стороны. Я хочу поручить это тебе. Что скажешь?

Оля выпрямилась, почувствовав в этом предложении спасательный круг.

— Я... собственно, за. Мне сейчас как раз нужно окунуться в работу с головой. Мне его встретить? И где он будет жить?

— Снял дом на Осенней, 24. Приедет на машине, так что встретитесь здесь, завтра к девяти утра.

— Хорошо. Я сделаю всё, что в моих силах.

— Вот и отлично. Тогда продолжаем работать.

Тем временем Марк, пытаясь собрать осколки своей воли в кулак, приступил к обязанностям. Он обошёл ферму, поговорил с ветеринаром о состоянии коров и направился к кабинету начальника. Постучав, вошёл.

— Игорь Львович, можно?

— Конечно, Марк, проходи. Прими ещё раз мои соболезнования.

— Спасибо. Есть какие-то поручения? После обеда встреча с поставщиком корма и с рабочими по новому коровнику.

— Да, но это не поручение, а скорее предложение. Ты же в курсе, что я выкупил участок под конюшню. Хочу, чтобы ты занялся этим проектом от и до: строительство, организация, закупка лошадей. Если, конечно, согласен.

В глазах Марка мелькнула искра интереса — первая за долгое время.

— Да, Игорь Львович, я только за. А какой участок?

— Шестнадцатый.

— Ух ты, большой. Это хорошо. Я изучу вопрос и завтра приду к вам с примерным планом.

— Отлично, договорились. И да, не забудь сегодня съездить в гипермаркет «Мир Покупок», к генеральному, обсудить поставки нашего молока.

Мысль об этой встрече вызвала у Марка тяжёлое чувство. Гипермаркетом владел Дмитрий Юрьевич, брат отца Ольги. Тот после смерти родителей выстроил против него настоящую стену, но причина была далеко не в смерти родителей

— это знали все. Дмитрий Юрьевич всегда помогал детям брата, с Никитой у них были весьма тёплые и доверительные отношения. Мать Ольги, Анну-Марию, он устроил к себе на работу бухгалтером, при этом позволял ей работать из деревни, чтобы не мотаться в город. Помимо гипермаркетов, которые располагались в четырёх городах, у Дмитрия был ещё автосалон в столице, а также производство по изготовлению кондитерских изделий, которые поставлялись по всей стране. На уме у мужчины было ещё пару проектов, которые он собирался вести совместно с детьми.

Встреча с поставщиками корма прошла гладко: Марк, используя старые связи, выбил десять процентов скидки, и они договорились подписать соглашение на новых условиях. А затем он направился в город, в ненавистный «Мир Покупок».

Секретарша в роскошной приёмной, холодно улыбнувшись, сообщила владельцу о визите. Ожидание заняло десять мучительных минут. Наконец Марка пригласили.

— Добрый день, Дмитрий Юрьевич, — Марк протянул руку для рукопожатия.

— Привет, родственник, — тот с лёгкой усмешкой пожал её. — И каким ветром занесло? Что такого понадобилось моему брату, что он зятя прислал?

— О, нет, вы не подумайте, — Марк покачал головой. — Я здесь не по чьей-то просьбе. И с Михаилом Юрьевичем, как и со всей его семьёй, я особо не общаюсь. Ну, кроме Никиты.

— Вот как? — брови Дмитрия Юрьевича поползли вверх.
— А что стряслось-то? Никита — моя единственная надежда в этой семье.

— Вы, наверное, не в курсе... о горе, что у нас случилось.

— Нет, а что? Я был в отъезде, только вернулся.

— Мы с Ольгой... мы потеряли сына. Сеня погиб.

Лицо Дмитрия Юрьевича стало серьёзным, вся насмешливость мгновенно сошла.

— Что? Ты шутишь? Сеня? Не может быть...

— Увы, это так. Мы его уже похоронили. После этого мы с Ольгой отделились друг от друга, и теперь мы в процессе развода. Решили разойтись.

Дмитрий Юрьевич откинулся на спинку кресла, шокированный.

— Ужас. И мне никто ничего не сказал! Я даже на похоронах собственного внука не был... Ну, Миша, гад... — он с силой выдохнул. — Ладно. А сейчас-то ты по какому делу?

— Исключительно по рабочему. Я помощник Игоря Львовича Кондратюка, владельца нашей фермы, мы сейчас ищем, куда поставлять свою продукцию, и я приехал договориться о поставках нашего молока на ваши полки. Конечно, это предварительная договорённость, детали будет обсуждать уже сам Игорь Львович.

Дмитрий Юрьевич задумался на секунду, а затем по лицу его расплылась хитрая улыбка.

— Знаешь что? Я согласен. Пора уже моего дорогого брат-

да немного позлить. Буду работать с тобой. Пусть увидит, с кем работаешь ты.

— Спасибо огромное! Я гарантирую, ваш покупатель будет доволен.

— В этом я не сомневаюсь. Чем ещё могу помочь?

Марк, воодушевлённый, решил.

— Никита как-то говорил, что вы большой знаток и любитель лошадей. Это правда?

— Ещё какая! Я даже старшего хотел в конный спорт отдать, да возможности тогда не было. А сейчас есть.

— Мой начальник как раз поручил мне проект по строительству конюшни в нашем селе. Я был бы вам крайне признателен, если бы вы подсказали, к какому специалисту можно обратиться за консультацией.

Дмитрий Юрьевич оживился ещё больше.

— Ох, с удовольствием! Я тебе не только подскажу, я тебя к ней отвезу! Специалист высочайшего класса, я её из столицы выписал. У меня тут своя конюшня, и моя управляющая — лучшая в этом деле.

— Огромное спасибо! — искренне тронутый такой реакцией, ответил Марк.

Дмитрий Юрьевич вышел из-за стола, уточнил у секретаря расписание, приказал перенести все встречи и, схватив ключи, решительно направился к выходу.

— Поехали!

Они выехали за город. В округе было всего две конюшни,

и одна из них, самая преуспевающая и известная, принадлежала как раз Дмитрию Юрьевичу. Дорога заняла не больше получаса. Подъехав к красивому комплексу зданий, они направились к административному корпусу.

У кабинета директора их встретила секретарь. Дмитрий Юрьевич, не церемонясь, попросил доложить о себе. Через мгновение дверь открылась, и он жестом пригласил Марка войти.

Марк переступил порог и замер от неожиданности. За рабочим столом, в кресле из тёмного дерева, сидела молодая, очень красивая девушка. На вид ей было не больше двадцати пяти. В её умных, пронзительных глазах читались спокойствие и сила. Марк невольно удивился: он ожидал увидеть солидного, умудрённого опытом мужчину, а не эту хрупкую с виду особу, которая, судя по всему, и была тем самым «лучшим специалистом в своём деле».

— Аля, привет, дорогая! Разреши представить — Алина Михайловна Игнатюк. Человек, чьи глаза читают лошадей, как открытую книгу, а её ум — это целая библиотека знаний о них. — Он обернулся к Марку. — Аль, знакомься, а это мой хороший знакомый и, как ни крути, родственник в одном лице — Марк Сергеевич.

Молодая женщина поднялась из-за стола с той самой грацией, которую, как показалось Марку, можно обрести только после тысяч часов в седле. Её улыбка была не дежурной, а тёплой и чуть насмешливой, будто она видела его смущение

насквозь.

— Очень приятно познакомиться, — её голос был спо-
коен и мелодичен. — Можете звать меня просто Аля или
как вам будет удобно. — Она протянула руку. Её рукопо-
жатие оказалось неожиданно твёрдым, в нём чувствовалась
уверенность и сила.

— Мне тоже невероятно приятно, — ответил Марк, чув-
ствуя, как на мгновение забывает всю свою тяжесть. — А ме-
ня друзья обычно зовут Марик. Буду рад, если и вы будете
так меня называть.

— Ну что же мы стоим, как на параде? — Аля обвела
взглядом свой кабинет, уставленный кубками, фотография-
ми скакунов и чертежами. — Присаживайтесь, пожалуйста.
Предложу вам чай или кофе? У меня отличная арабика.

— Я думаю, мы оба не отказались бы от чашечки кофе, не
так ли, Маркуша? — подмигнул Дмитрий Юрьевич, устраи-
ваясь в кожаном кресле.

— Да, пожалуй, от хорошего кофе я никогда не откажусь,
— кивнул Марк, с облегчением погружаясь в мягкую обив-
ку.

— Ниночка, сделай нам, пожалуйста, три кофе, — Аля на-
жала кнопку на телефоне, и её просьба прозвучала в воздухе.
— Итак, Димыч, — она устремила на него пронзительный,
знающий взгляд, — раскрывай карты. Ты ведь не просто так
заглянул на огонёк в такой час. Чем я могу быть полезна?

— Аля, ты, как всегда, всё видишь насквозь, — рассмеял-

ся Дмитрий Юрьевич. — Но на этот раз просьба не от меня, а от Марка. Что это я всё говорю и говорю, словно тамада на свадьбе? Слово тебе, Марк.

— Да, видите ли, в чём дело... — начал Марк, слегка запынаясь.

— Так, давайте сразу перейдём на «ты», — мягко, но настойчиво предложила Аля. — Поверь, так намного проще и честнее общаться. Все эти «выканья» только стену строят.

— Хорошо, — Марк кивнул, чувствуя, как скованность понемногу отступает. — Смотри, я работаю в деревне, на местной ферме. Я правая рука нашего начальника, и сейчас он доверил мне новый проект, который полностью ложится на мои плечи. И его успех... — он сделал небольшую паузу, подбирая слова, — он значит для меня сейчас очень много. Это как... глоток свежего воздуха. Мой смысл жизни, который я пытаюсь заново отыскать.

Он помолчал, собираясь с мыслями.

— Мой руководитель безумно любит лошадей. И он загорелся идеей построить в нашей деревне современную конюшню. Не для прибыли, а для души. Чтобы деревенские дети смогли прийти туда, дышать этим воздухом, заниматься конным спортом. Чтобы у них был шанс встать в стремя, почувствовать мощь и грацию животного, участвовать в соревнованиях и... просто расти другими людьми. Но есть одно большое «НО». — Марк горько усмехнулся. — В конной теме я полный ноль. Абсолютный.

— Так, — Аля внимательно слушала, склонив голову набок. — Я так понимаю, ты хочешь, чтобы я тебя консультировала? Была твоим гидом в этом новом мире?

— Да, именно так! — в голосе Марка прозвучала надежда. — Мне тебя рекомендовали как лучшего из лучших в этом деле. И я прошу, умоляю тебя, помоги мне. Для меня это сейчас важнее всего.

Аля откинулась на спинку кресла, её взгляд задумчиво скользнул по фотографии вороного жеребца на стене.

— Хорошо, — наконец сказала она, и в её глазах вспыхнул профессиональный азарт. — Мне и самой чертовски интересно, что из этого может получиться. Я помогу. Предлагаю так: завтра встречаемся на месте. Ты только скажи адрес, я приеду, и мы уже на земле разберёмся, с чего начать. Нам понадобится архитектор и, само собой, толковый дизайнер. С остальным, что касается лошадей и всего к ним прилегающего, план составляю я.

— Архитектор у нас уже есть, и завтра он будет на месте, — оживился Марк. — А вот насчёт дизайнера... я сегодня как раз планирую поговорить с одним кандидатом. Давай я с утра заеду за тобой, и поедем вместе?

— Маркуш, насчёт завтрашнего утра есть нюанс, — вмешался Дмитрий Юрьевич. — Сегодня к тебе вечером нагрянут гости — мой сын с невесткой, Игорь и Лана.

— Да? Серьёзно? — удивился Марк.

— Ага, — кивнул Дмитрий Юрьевич. — Я с ними созва-

нивался, вкратце обрисовал ситуацию. Они сегодня вернулись из командировки и обещали заехать к тебе вечером.

— Хорошо, тогда я просто напишу тебе адрес, Аля.

— Не стоит, — махнул рукой Дмитрий Юрьевич. — Я сам Алю завтра доведу. Сегодня, к сожалению, не смогу, а завтра... я хочу поехать на могилу. К двоюродному внуку. Если ты, Марк, не против, конечно.

Марк вздрогнул, как от внезапного порыва холодного ветра. Его взгляд потух.

— Да как я могу быть против... Конечно, нет. Только... вы же понимаете, какова будет реакция Михаила Юрьевича, если вы там случайно встретитесь.

— Не терзайся, Марк, — твёрдо сказал Дмитрий Юрьевич. — Я справлюсь.

В наступившую паузу тихо прозвучал голос Али:

— Извините, что влезаю... На могилу? А... чей там сын лежит?

Воздух в кабинете застыл. Марк не поднимал глаз, глядя в узор на ковре, его плечи слегка ссутулились.

— Мой, — прозвучал тихий, надтреснутый ответ. Он произнёс это слово и опустил голову ещё ниже, словно тяжесть этой потери вновь навалилась на него всей своей массой.

Аля всплеснула руками, её лицо исказилось от мгновенного раскаяния.

— О, Боже... Я прошу прощения... Извини, вот я глупая, несусветно глупая! Зачем я спросила? Прости меня, пожа-

луйста!

— Нет... всё нормально, — Марк с трудом поднял на неё взгляд, в его глазах стояла неизбывная боль. — Ничего. Пройдёт. Когда-нибудь... должно же пройти.

— Ладно, — Дмитрий Юрьевич, стараясь разрядить обстановку, хлопнул себя по коленям. — Я думаю, мы договорились? Все вопросы перенесём на завтра?

— Да, — Аля кивнула, всё ещё смотря на Марка с сочувствием. — Тогда до завтра.

На прощание они вновь обменялись рукопожатиями. Рука Али на этот раз была не просто деловой, а ободряющей, поддерживающей.

Выйдя из кабинета в прохладный коридор, Марк обернулся к Дмитрию Юрьевичу:

— Дмитрий Юрьевич, вы не подскажете, во сколько примерно ждать Игоря с Ланой?

— По моим расчётам, часам к семи-восемью вечера будут у тебя. Может, чуть раньше.

— Понял. Тогда я поеду, надо хоть ужин какой-нибудь приготовить. И в магазин надо заскочить, а то в моём холодильнике, как говорится,мышь повесилась от тоски.

— Тебя подбросить?

— Спасибо, не стоит. Мне ещё к Нику заехать надо.

— Ну, всё, давай, удачи. До завтра.

Дмитрий Юрьевич развернулся и зашагал к выходу. Марк же, достав телефон, быстро набрал номер Никиты. Догово-

рившись о встрече, он вышел на улицу, где его уже ждала машина такси.

Доехав до дома друга, он позвонил в дверь. Дверь открыла Маша с детьми на руках. Увидев Марка, её лицо озарилось тёплой, домашней улыбкой.

— Марчик, проходи, родной! Привет! — она отступила, пропуская его в прихожую, пахнущую свежей выпечкой и уютом.

— Привет, Маш. Спасибо, что приняли.

— Да что ты! Никита только что в магазин побежал, сейчас вернётся.

— Я, честно говоря, в основном к тебе.

Маша подняла брови, удивлённо:

— Это в каком смысле?

— Машуль, мне по горло, до самого края, нужна твоя помощь.

— В чём дело? С Ольгой поговорить, помирить вас? — спросила она с надеждой.

— Нет, — Марк резко, почти болезненно, покачал головой. — Не с ней. Там уже всё чётко и ясно, как белый день. Мне нужна твоя помощь как дизайнера. Твои золотые руки и светлая голова.

— О, Марчик! — лицо Маши просияло. — Ты решил наконец ремонтом заняться? Новую жизнь в дом вдохнуть?

— Ну, не совсем, — Марк снова почувствовал прилив энергии, говоря о проекте. — Дело в том, что у меня на носу

новый, грандиозный проект, и в нём будет участвовать целая команда специалистов. Короче говоря, в нашей деревне мой начальник затеял строительство конюшни, а курирую этот проект я. И мне позарез нужен талантливый дизайнер. Завтра намечается первая выездная встреча — будет архитектор, специалист по лошадям, и... мне очень нужна там ты.

— Ну ты даёшь! — воскликнула Маша. — Какой же ты умница, что не опускаешь руки и так за дело берёшься! Давай подождём Ника, посоветуемся.

В этот момент дверь снова открылась, и на пороге появился сам Никита с двумя пакетами в руках.

— И что это вы тут такое собрались у меня спрашивать, родные мои? Марчик! Здорова, брат! — он бросил пакеты на пол и обнял Марка крепким, дружеским объятием.

— Привет, Никитос! Спасай и соглашайся без лишних слов — мне срочно требуется талант дизайнера твоей прекрасной жены!

Никита усмехнулся, поставив пакеты на тумбу.

— Марик, ну ты же знаешь, что талант своей жены тебе я передать явно не смогу. Видишь ли, магией, увы, я не владею, — пожав плечами, Никита театрально развёл руки в стороны.

— Ха-ха-ха, — сухо рассмеялся Марк. — Очень смешно. Но я-то не шучу. Мне реально, по-взрослому, нужна помощь Маши. Нужно, чтобы она разработала дизайн интерьеров конюшни и, возможно, фасадов, основываясь на чертежах ар-

хитектора.

Никита нахмурился, сел на пуфик и взял бутылку воды.

— Погоди, не понял. Ладно, объясни всё ещё раз, подробно, с самого начала. И вообще, — он обернулся к жене, — моя жена и сама прекрасно может принять решение. Она прекрасно знает, что я поддерживаю её в любом начинании.

— Хорошо, давайте по порядку, — вздохнул Марк, садясь напротив них. — Мой начальник, Игорь Львович, решил открыть в нашем селе конюшню. И так как на ферме дел невпроворот, он не успевает всем управлять сам и попросил меня взять этот проект на себя. А я только за! Вы и сами прекрасно понимаете, как мне нужно отвлечься, вырваться из этого водоворота мыслей... Так вот, сегодня я познакомился с управляющей одной из лучших конных школ в области, Алей, и она с радостью согласилась помочь. Завтра на участок приедет архитектор для проектировки всего комплекса, приедет Аля, и... мне отчаянно нужен дизайнер. А я не знаю дизайнера лучше, чем наша Машуля. Родные мои, я умоляю вас, соглашайтесь! Вы мне не просто поможете, вы меня спасёте.

— Марк, — Никита положил руку ему на плечо. — Я помогу тебе чем смогу, всегда. Но последнее слово — за моей любимой.

— Спасибо, брат, — Марк с благодарностью посмотрел на друга.

Оба они уставились на Машу, затаив дыхание в ожидании

ответа.

— Так... — Маша перевела взгляд с мужа на Марка, затем на своих малышей, игравших в соседней комнате. — Я-то лично не против, это же моя страсть! Но, Ник, завтра у тебя работа. А я одна с двумя детьми. Что мне делать в этом случае?

— Так возьмите детей с собой! — воскликнул Марк. — Это же будет первое обсуждение, а не стройка. Будем гулять по полю, обсуждать идеи на свежем воздухе. Детям только на пользу!

— Ну... — Маша улыбнулась. — Если так... то я за. Теперь слово за главным по тылам и логистике.

— Конечно, поехали, — без раздумий согласился Никита. — Пора и тебе, любимая, потихоньку возвращаться в профессию. Через полгода наших уже можно будет в садик определять, а ты как раз войдёшь в ритм. И Марку поможем — два зайца одним выстрелом.

— Точно! Чуть не забыл вам сказать, — хлопнул себя по лбу Марк. — У нас сегодня будут гости.

— Кто это? — настороженно спросил Никита, и в его голосе явно прозвучало ожидание услышать имя сестры.

— Нет, Никитос, успокойся, не Оля, — тут же успокоил его Марк. — Сегодня ко мне в гости приедут Игорь и Лана.

— Ничего себе! — глаза Никиты округлились. — Они что, вернулись?

— Да, сегодня прилетели. Так что я сейчас бегу в магазин,

а то в доме у меня хоть шаром покати — пусто и сиротливо. А вы пока собирайтесь.

— Всё, договорились, — поднялся Никита. — Тогда беги, у тебя есть часа полтора, пока мы соберём вещи и упакуем орду.

Марк вышел из гостеприимного дома, и его шаги вновь стали быстрыми и решительными. Он направился к ближайшему супермаркету, мысленно составляя список. Войдя в ярко освещённый зал, он взял тележку и погрузился в привычные, успокаивающие хлопоты. С непривычки ходить по магазинам в одиночку — раньше это всегда была их с Олей обязанность — он набрал целую гору продуктов: и на ужин, и про запас, будто пытаюсь заполнить пустоту в доме едой.

Подойдя к стеллажам с алкоголем, он задумался, выбирая между красным вином и чем-то покрепче. Он стоял, уставившись на полки, и не заметил, как сзади к нему подошли. Чья-то рука легла ему на плечо. Сначала он подумал, что это Никита догнал его, и обернулся с готовой улыбкой.

Но улыбка замерла на его губах, не успев родиться. Перед ним стояла Оля. Её глаза были полны такой же растерянности и боли, как и его собственные.

Секунда, показавшаяся вечностью. Марк застыл с бутылкой в руке, ощущая, как знакомое прикосновение прожигает ткань рубашки и доходит до самого сердца, вызывая давно забытый трепет. Он медленно, почти нехотя, обернулся, уже зная, кого увидит.

— Оля? — его голос прозвучал приглушённо, будто в вакууме. — За покупками приехала?

Она стояла, сжимая в руках корзинку, в которой одиноко лежала упаковка йогурта. Её пальцы нервно перебирали ручку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.